

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Свадьба Сен-Люка

В последнее воскресенье масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси, которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, начиналось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпине де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого утрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный призрак, гости цепенели от страха, и особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он достаивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызывали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волей-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

— Государь, — сказал он, — не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

— Да, сударь, — ответил он, — мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

— Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? — спросила Жанна у своего мужа.

— Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозная туча рассеется.

— А она рассеется?

4 — Должна, — ответил Сен-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрягла любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделиться с нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Гейриха III сделало герцогом Анжуйским. Но герцог не счел нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собиравшись присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю.

Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и де Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случа-

ях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых.

Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось — ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего доброго отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убеденный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благоденствий, и — вот тебе на! — все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк всячески пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья — Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, естественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

— Э! Бог мой! Наш бедный друг, — соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, — я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский — потому, что ты не выказал должного почтения к его носу*.

— Ну нет, — возразил Сен-Люк. — Ошибаешься,

---

* Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. — *Примеч. авт.*

Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Минимский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский — потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

— Рассказывай, — возразил Можирон. — Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает благостное, умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг — полнейшая пустота, даже этот бахвал Бюсси не соизволил явиться.

— Ах, господа, — сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, — как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец, — чем мог Сен-Люк прогневать короля?

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

— Ах! — воскликнул просиявший маршал. — Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

— А меня, — пробормотал Сен-Люк, — присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть

со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не считал нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в зал в колыхании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III — полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

— Что все это значит, господа? — спросил король.

Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспыльчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк и сказал:

— Государь, там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде

чем зваться Шико, он звался де Шико. Прос-

вступить в любовное соревнование с герцогом Майеннским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу, и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

— Послушайте, мэтр Шико, — сказал Генрих, — два короля на одном балу — слишком большая честь для хозяина.

— Коли так, то дозволю мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы чем он занят сейчас.

— И в самом деле, — сказал король с явным неудовольствием, — мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

— Еще одна причина, почему ты должен его заметить. Решено — я буду Генрихом, а ты — Франсуа, я буду царствовать, а ты — танцевать, я выложу весь набор ужимок, подходящих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

— Ты прав, Шико. Я займусь танцами, — сказал он.

«Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, — подумал маршал де Бриссак. — Совсем наоборот, король в редкостном расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черны-

ми глазками, белоснежными зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

— Сударь, — обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, — объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

— Но когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

— Тогда его величество был в дурном настроении, — сказала молодая женщина, — ну а теперь...

— Теперь еще хуже, — прервал ее Сен-Люк. — Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для нас какой-то подлый сюрприз. О, не глядите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приголубьте, приласкайте его.

— Знаете, сударь, — улыбнулась Жанна, — вы даете мне довольно сомнительный совет, и, если я в точности ему последую, могут подумать...

— Ах! — вздохнул Сен-Люк. — Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей донельзя удивленной супруге, он отправился ублажать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха,

10 то угощал его из своей бонбоньерки засахарен-

ным миндалем и глазированными фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настолько сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

— Эге! — сказал Генрих. — Кажется, это голос Шико. Ты слышишь, Сен-Люк? Король изволит гневаться.

— Да, государь, — отозвался Сен-Люк, не показывая виду, что уразумел намек, содержащийся в этих словах, — похоже, что он с кем-то не поладил.

— Подите узнайте, что там случилось, — распорядился король, — и немедленно доложите мне.

Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю, выговаривая слова в нос:

— Я навывускал кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно хороши, пусть их по крайней мере будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, — это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

— Что он там болтает о Бюсси? — нахмуясь спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого

пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажими выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, презрительно вздернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительно отличалась от богатых костюмов пажей.

— Бюсси! — раздались голоса. — Бюсси д'Амбуаз!

И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

— Ах, вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видеть, — сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

— Подождем, — заметил Келюс, — перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

— Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, — вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон короля Генриха. — Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь — на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

— Нет, — заметил Келюс, — это траур для похорон.

— Ах, уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? — пробормотал Генрих.

— И при всем том, Сен-Люк, — сказал Можирон, — герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немилость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

— Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? — подхватил Келюс. — Неужто

вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не желает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

— И несмотря на это, — сказал Можирон, — как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

— Ну и что же, — флегматично парировал Келюс, — значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

— Ну, ну, господа, — попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, — пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

— В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, — сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

— Так что же выходит, — воскликнул Шомберг, — Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

— Откуда ты это взял? — спросил Можирон.

— Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

— Господа, — возразил Сен-Люк, — господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

— И кроме того, — поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, — я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдают предпочтение перед его особой, закричал:

— Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, — это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

— Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико:

— Ах, простите, государь, иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

— Что такое? — протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. — Что он сказал?

— Ничего, государь, — поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, Небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем, — ничего, ровным счетом ничего.

— Нет, мэтр Бюсси, — изрек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, — ваше поведение непростительно.

— Прошу извинить меня, государь, — смиренно молил Бюсси, — я задумался.

— О чем? Небось о своих пажих, сударь? — раздраженно спросил Шико. — Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покушаетесь на наши королевские прерогативы.

— Но каким образом? — почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. — Прошу ваше величество объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

— Рядите в золотую парчу всякий сброд, — и Шико ткнул пальцем в пажей, — а вы, вы — дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

— Государь, — громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, — я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд наряжается, как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь, как всякий сброд.

И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минутой назад.